

Хэ Фан о некоторых аспектах истории международных отношений КНР

Хэ Фан говорит об истории и вспоминает людей: памяти Чжан Вэньтяня и других наставников и друзей. [Хэ Фан тань ши и жэнь: цзинянь Чжан Вэньтянь цзи цита ши ю]. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2010. 264 с.

Книга Хэ Фана была замечена в Китае, ее даже включили в список достойных внимания новых явлений в теории и науке в 2010 г.¹ Самое большое внимание привлекла тема пребывания Чжан Вэньтяня на посту генерального секретаря партии в 1930-е гг. и его отношений с Мао Цзэдуном. Этот аспект подробно рассмотрен в рецензии В.Н. Усова.

Более двух третей книги Хэ Фана посвящены истории внешней политики КНР, изучению международных проблем и трудным процессам переосмысления представлений о ситуации в мире на рубеже 1970-х — 80-х гг. Связующим звеном выступает личность Чжан Вэньтяня, находившегося в 1950-е гг. на дипломатической работе. Составитель книги отметил, что «Хэ Фан долгое время был помощником Чжан Вэньтяня, он был свидетелем многих важных событий в международных отношениях», благодаря чему читатели могут «глубже понять некоторые ключевые моменты важных дипломатических событий в ранний период нового Китая и в годы реформ» (С. 2).

Автор книги стремился показать Чжан Вэньтяня как первопроходца в трактовке проблем войны и мира, не считавшего новый глобальный вооруженный конфликт неизбежностью. При этом Чжан Вэньтянь приложил значительные усилия для институционализации научно-исследовательской работы в МИДе. Преемниками этой мирной линии стали сотрудники дипломатического ведомства времен первого десятилетия существования КНР, которые после завершения «культурной революции» убеждали руководство пересмотреть подходы к взаимоотношениям с внешним миром.

Дипломатический период в жизни Чжан Вэньтяня начался с того, что в январе 1950 г. Мао Цзэдун неожиданно назначил его представителем КНР в Совете Безопасности ООН. Тогда Пекин рассчитывал быстро решить вопрос о лишении Тайбэя членства в ней. Для работы в ООН была собрана большая делегация. В нее вошел и Хэ Фан, а также Ли Иман и Ма Юнцзянь, которым посвящены воспоминания автора книги. Однако КНР не смогла тогда занять место в ООН, делегация была распуше-

на. В апреле 1951 г. Чжан Вэньтянь стал послом КНР в СССР.

На новом месте службы он создал исследовательский отдел, который возглавил Хэ Фан. Автор книги подчеркивает, что подобная структура внутри посольства КНР была создана впервые, дипломатическая миссия в Москве стала примером для других посольств. Чжан Вэньтянь подчеркивал важность проведения исследовательской работы, указывал, что изучение ситуации в стране пребывания и ее международных отношений являются основной задачей посольства и базой для хорошего выполнения всей прочей работы. Посол лично руководил работой отдела, предлагал темы, исправлял подготовленные материалы, участвовал в обсуждениях, давал конкретные указания. Во второй половине 1951 г. Чжан Вэньтянь по поручению Чжоу Эньлая инспектировал посольства в Восточной Европе, повсюду он призывал к усилению исследовательской работы. По возвращении в Москву он отправил в Пекин доклад о важности усиления исследовательской работы посольств. Документ был одобрен Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и МИДом. Центр дал указания на этот счет, что стало основой для развертывания исследовательской деятельности в других посольствах КНР (С. 78).

Хэ Фан признает, что теплые отношения двух стран создали благоприятные условия для развития исследовательской работы посольства КНР в Москве: «Существовали межпартийные связи, СССР относился к нам очень хорошо» (С. 108). Чжан Вэньтянь был членом Политбюро ЦК КПК, в Москву помимо верительных грамот он привез еще и партийное рекомендательное письмо Лю Шаоци Г.М. Маленкову. Впоследствии Мао Цзэдун написал И.В. Сталину с просьбой позволить Чжан Вэньтяню изучить опыт работы ЦК ВКП(б). Посольство ежедневно получало множество пакетов с внутренними материалами ТАСС, где помимо переводов сообщений западных информагентств были аналитические доклады советских журналистов из-за рубежа. Часть этих материалов в посольстве отбирали для перевода, на их основании готовили краткие отчеты для

руководства посольства, с ними знакомили приехавших в Москву китайских руководителей.

Первым документом исследовательского отдела посольства в Москве, на который обратили внимание в Пекине, стал доклад «О проблеме прекращения войны и мирных переговорах в Корее». Хэ Фан вспоминает, что в то время некоторые видели в корейской войне преддверие третьей мировой войны: поскольку в противостоянии с США Китай не может ни победить, ни пойти на компромисс, в ситуацию придется вмешаться Советскому Союзу и это приведет к глобальному конфликту. Другой подход сводился к тому, что мировой войны не будет. Этой точки зрения придерживался Чжан Вэньтянь, полагавший, что корейская война останется ограниченным конфликтом. По мнению Хэ Фана, он не был согласен с решением направить в Корею китайские войска, однако открытых возражений по этому поводу не высказывал (С. 112).

Автор книги полагает, что среди подготовленных за четыре года его пребывания в Москве докладов наибольший резонанс вызвали материалы по поводу критики «культы личности» в СССР. Хэ Фан признал, что до 1953 г. ему не доводилось сталкивались с этой темой в китайских партийных СМИ и обсуждениях. В итоге вместо более точного термина «гэжэнь мисинь» в оборот вошло сочетание «гэжэнь чунбай» (можно перевести как «поклонение личности»), за что несет ответственность и сам Хэ Фан (С. 112).

Подчеркнем, что речь идет не о 1956 г. и докладе на XX съезде КПСС, а о 1953 г. и о тенденциях, которые проявились в советской пропаганде через несколько месяцев после смерти И.В. Сталина — призывы не преувеличивать в общественных науках историческую роль царей и военачальников, акцент на коллективном руководстве партии. По словам Хэ Фана, «прежде мы не слышали ни о чем подобном» (С. 113). Сотрудники отдела посольства сосредоточили внимание на сборе материалов, они специально ездили по Москве, чтобы зафиксировать смену портретов советских руководителей, а в обсуждениях и в личных беседах тема «культы личности» звучала постоянно.

С конца 1953 г. посольство составило десяток докладов о новой теме в советской пропаганде, самые важные Чжан Вэньтянь отправил напрямую в канцелярию ЦК КПК. Мао Цзэдун обратил на них серьезное внимание и распорядился, чтобы три доклада были напечатаны в качестве внутренних документов для ознакомления членов ЦК и высокопоставлен-

ных кадровых работников. Другая рассылка для чиновников более низкого уровня была проведена по указанию Лю Шаоци. По мнению автора книги, «таким образом «культ личности» стал в Китае широко обсуждаемым вопросом» (С. 113). В 1959 г. Чжан Вэньтяня обвинили в том, что с помощью информации о советской критике «культы личности» Сталина он выступил против Мао Цзэдуна.

Хэ Фан подчеркивает, что Чжан Вэньтянь призывал сотрудников посольства сопрягать исследовательскую работу с нуждами экономического строительства Китая, больше рассказывать о соответствующем опыте СССР. На эту тему было составлено и отправлено в Китай множество докладов, однако откликов было крайне мало. Автор книги вспоминал, что поначалу во время пребывания в Москве Чжан Вэньтянь сосредоточил свои исследования на проблемах экономики и советском опыте — тот ходил по столичным книжным магазинам вместе с Хэ Фаном, покупал книги по экономике и популярные научные издания.

По мнению автора, тогда Чжан Вэньтянь готовился сменить сферу деятельности, уйти из дипломатии и заняться экономической политикой. Однако руководство КНР не поддержало эти планы. Находясь в Китае в марте 1953 г., Чжан Вэньтянь обратился к Гао Гану, уже попавшему в эпицентр политической борьбы, с просьбой передать Мао Цзэдуну ходатайство о переводе на экономическую работу. Аналогичное обращение он передал через Чэнь Юня, от него же пришло письмо с сообщением, что ЦК не одобряет смену работы, Мао Цзэдун недоволен, и потому следует продолжать трудиться в сфере дипломатии (С. 115). Чжан Вэньтянь был расстроен, после чего сосредоточился на дипломатической работе и исследовании международных проблем. Хэ Фан заметил, что тот утратил интерес к экономической литературе и покупал лишь книги по международной тематике.

Замечание автора о стремлении Мао Цзэдуна и ЦК КПК в период после образования КНР «проводить полную советизацию и заимствовать сталинскую модель» (С. 200) следует воспринимать с оговорками, поскольку Мао все же пытался переосмыслить постулаты советской экономической науки. Об этом, в частности, свидетельствуют сделанные в конце 1950-х гг. критические замечания Мао Цзэдуна к работе Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР» и к советскому учебнику политэкономии. Отказ в прошении мог быть связан не только с общемировоззренческими рас-

хождениям взглядов двух деятелей КПК, но и с тем, что Чжан Вэньтянь готовился к карьере экономического руководителя по купленным в Москве книгам. Даже в 1953 г. для Мао это могло оказаться неприемлемым.

Очевидно, что симпатии Хэ Фана целиком на стороне его бывшего наставника и начальника. В частности, он высоко оценил способность Чжан Вэньтяня не проявлять эмоций даже в тех случаях, когда его сильно задевали решения китайского руководства. В качестве примера он указал на историю о том, как Чжан не был включен в делегацию КПК на XIX съезде КПСС в 1952 г. которую возглавлял Лю Шаоци. Остальные члены делегации не были членами Политбюро, куда в то время входил Чжан Вэньтянь. Помимо этого, была нарушена тогдашняя практика в отношениях между социалистическими странами, в их делегациях на съезде участвовали послы в Москве, даже если они не входили в ЦК своих партий партии. По мнению автора книги, отсутствие в делегации Чжан Вэньтяня вело к принижению статуса государства и его посла, но сам посол КНР сделал вид, что ничего не произошло (С. 115–116).

Чжан Вэньтянь побуждал подчиненных изучать не только международные отношения и служебные обязанности, но и расширять свой кругозор. По признанию Хэ Фана, в те времена среди сотрудников посольства «культурный уровень был обычно невысок» (С. 110). К примеру, когда Всемирный комитет защиты мира отмечал память французского писателя В. Гюго, многие в посольстве не имели представления кто это — при этом работавшая в посольстве советская уборщица ответила, что прочла ряд его произведений. Когда в СССР собрались переводить пьесу Го Можо «Ган ди чжи хуа», в посольство поступило обращение с просьбой прояснить смысл названия, но этого также никто не знал. Тогдашний атташе по культуре Гэ Баоцюань послал телеграмму самому Го Можо. Тот сообщил, что речь идет о глубине чувства между братьями или сестрами, название пьесы можно перевести как «Близнецы». Чжан Вэньтянь пригласил учившихся в Москве китайцев рассказывать сотрудникам посольства о западной музыке — Хэ Фан вспоминал, что ставший впоследствии известным дирижером Ли Дэлунь любил выступать с такими лекциями, поскольку имел возможность поехать в посольстве китайской еды. Для самого автора книги знакомство с музыкой, оперой и балетом стали настоящим откровением, по субботам и воскресеньям он ходил в Большой

театр на несколько представлений подряд — правда, из-за столь напряженного графика он путал потом их содержание (там же).

В конце 1954 г. Чжан Вэньтянь вернулся в Китай и стал первым заместителем главы МИДа. Автор книги характеризует его как «важного основоположника» (С. 78) в становлении изучения международных отношений в КНР. По инициативе Чжан Вэньтяня был создан ряд внутренних периодических изданий МИДа, появились учебный институт международных отношений, специализированное издательство. Он руководил работой по созданию Института международных отношений, ставшего в Китае первой специализированной структурой по изучению международных проблем.

Хэ Фан продолжал работу вместе с Чжан Вэньтянем и был его спичрайтером. В воспоминаниях он указал на близость их взглядов по международным проблемам и высокую степень доверия со стороны начальника. Он отметил, что Чжан Вэньтянь обычно не цитировал Мао Цзэдуна. По мнению Хэ Фана, причин было две: тот не хотел создавать культ личности, при этом ему просто нечего было цитировать — в экономике Мао не разбирался, а во внешней политике их взгляды были различны. Если Чжан Вэньтянь предлагал сосредоточить усилия на внутренних проблемах и развитии Китая, выступал против проведения политических кампаний и экспорта революции, то Мао Цзэдун стремился проводить кампании и экспортировать революцию, а после смерти Сталина хотел стать лидером мирового коммунистического движения (С. 136).

Попытка обозначить преемственность позитивных исторических фигур в руководстве КПК отразилась в вошедшей в книгу небольшой статье «От Чэнь Дусю, Чжан Вэньтяня до Ху Яобана», которая была написана в 2005 г. по поводу 90-летия Ху Яобана (С. 153–157). По мнению автора, все трое были партийными лидерами и наследниками «Движения четвертого мая», развивали дух науки и демократии, им были присущи высокие моральные качества. Взаимосвязь этих персонажей проявилась, когда Ху Яобан призвал к справедливой оценке Чэнь Дусю и реабилитировал Чжан Вэньтяня, развернул изучение и пропаганду его наследия. Хэ Фан не одобряет политику Мао Цзэдуна и возвышает тех, кто стремился к расширению внутрипартийной демократии. Вместе с тем среди деятелей «Движения четвертого мая» он ценит прежде всего сторонников коммунистической идеологии. Признавая, что либерально-

го идеолога Ху Ши в КНР критиковали несправедливо и тот внес вклад в пропаганду в Китае идеалов науки и демократии, автор книги подчеркивает, что «все же на первом месте должен быть Чэнь Дусю, а не Ху Ши» (С. 249).

В рассказах Хэ Фана о соратниках по работе в МИДе и АОН Китая постоянно звучит сожаление о том, что обновление внешней политики КНР после третьего пленума ЦК 11-го созыва затянулось. Тогда силы были сосредоточены на экономических реформах, а процесс переосмысления отживших предствлений о международных отношениях продолжался до середины 1980-х гг. Тезисы о «крахе империализма», «грядущей мировой победе социализма», «размежевании с СССР» и т.п. оказались слишком живучими. Особое внимание автор книги уделяет роли тех экспертов-международников, которые помогали преодолеть прежние стереотипы. Хотя Чжан Вэньтяня в это время уже не было в живых, в изложении Хэ Фана они предстают в роли наследников его внешнеполитических взглядов, построенных вокруг тезисов о мирном сосуществовании, отсутствии неизбежности войны и нежелании западных стран становиться участниками глобального конфликта.

Высоких оценок на страницах книги был удостоен Ли Иман, работавший вместе с Хэ Фаном в МИДе и занимавший в конце 1970-х гг. пост постоянного заместителя руководителя отдела внешних связей ЦК. Он создал специальную исследовательскую группу и отправлял материалы обсуждений в ЦК КПК. По мнению автора книги, ему удалось одним из первых переосмыслить ключевые международные проблемы.

Хэ Фан особо подчеркивает, что Ли Иман еще до третьего пленума ЦК 1978 г. организовал изучение проблем войны и мира, после чего пришел к выводу, что произошедшие глубокие перемены, в том числе в экономике и технике, делают начало новой мировой войны маловероятным (С. 181). Прежняя точка зрения сводилась к тому, что войну нельзя предотвратить, ее можно только отсрочить. Ли Иман подчеркивал, что подобная позиция лишает народ уверенности в будущем и порождает сомнения в осмысленности упорного созидательного труда, плоды которого обречены на разрушение в ходе грядущей войны. На самом деле Китай лишь запугал самого себя, преувеличив угрозу войны между двумя «гегемонами» в лице США и СССР. Хэ Фан подчеркивает, что точка зрения Ли Имана «повлияла на важный стратегический поворот политики Китая»

(С. 182). Тезисы об отсутствии неизбежности войны, о «мире и развитии» вошли в официальный оборот в первой половине 1980-х, но Ли Иман об этом говорил еще в конце 1970-х.

Во-вторых, Ли Иман выступил с критикой теории «трех миров», которую Мао Цзэдун выдвинул в 1974 г. для обоснования антисоветского альянса с США. О том, сколь велика была инерция в этом вопросе, по мнению Хэ Фана, свидетельствует опубликованная 1 ноября 1977 г. в «Жэньминь жибао» составленная под началом Ху Цюмо статья «Теория трех миров председателя Мао является важным вкладом в марксизм-ленинизм» (С. 182, 241–242). Формирование внешнеполитического курса на основании теории «трех миров» вело к изоляции Китая в мире, что становилось препятствием для проведения реформ. Отказ от этой линии помог бы увеличить дистанцию от США, снять напряженность в отношениях с СССР и восстановить дружбу со многими развивающимися странами.

Ли Иман уже в конце 1970-х в докладах для вышестоящих инстанций подчеркивал, что «теория трех миров» не имеет научных и объективных оснований, ее не нужно открыто провозглашать. Было совершенно непонятно, почему страны Восточной Европы, зачастую отстающие по уровню от некоторых развивающихся стран, вместе с развитыми странами и входящими в американский блок НАТО Англией, Францией и Западной Германией попали во «второй мир», тогда как Румынию и Албанию зачислили в «третий мир». Эти странности можно объяснить лишь субъективным подходом к проблеме. Ли Иман рассказывал Хэ Фану, что это мнение дошло до ЦК. Там решили в официальных документах и выступлениях «теорию трех миров» больше не упоминать, но в науке она допустима как проявление соперничества школ. Хэ Фан заметил, что «некоторые ученые и дипломаты еще придерживаются этой формулировки, причины тому неизвестны, но это только научные споры, на внешнюю политику не влияют» (С. 183).

Третьей важной заслугой Ли Имана автор книги назвал призыв к пересмотру взглядов на международное рабочее движение и межпартийные отношения. Тот считал, что в мире нет условий для проведения пролетарской революции, тогда как у многих компартий, которые Китай объявил «ревизионистскими», есть определенное влияние и опора в массах. Напротив, левые партии и организации, которым симпатизировала китайская пропаганда, не имели реального веса в своих странах. Ли

Иман предлагал восстановить связи с компартиями, допуская даже развитие отношений с партиями социалистического толка.

Примечательно, что в качестве одного из источников внешнеполитических заблуждений китайского руководства автор неоднократно упоминает догматическое прочтение ленинской концепции империализма. Ли Иман спорил с утверждением некоторых о том, что нельзя забывать основное суждение В.И. Ленина, гласящее, что пока существует империализм, войны являются неизбежными (С. 181). Ранее Мэн Юнцян, который руководил в 1957–1966 гг. Институтом международных отношений, обнаружил, что современный капитализм очень сильно отличается от того, который описал Ленин в работе «Империализм как высшая стадия капитализма», и даже готовился написать к ней новое продолжение. Мэн завоевал известность благодаря исследованию мировой экономики, его называли «китайский Варга», сопоставляя с известным советским экономистом (С. 203). Хуань Сян — дипломат, занявший после 1978 г. пост вице-президента АОН Китая, еще до третьего пленума указывал, что ситуация в мире тяготеет к стабильности. Он утверждал, что если бы Ленин был жив, то сам внес бы в книгу много исправлений. Поэтому исследовать проблемы послевоенного империализма нужно на основании новой обстановки и приходиться к новым выводам, нельзя все целиком брать из книги Ленина (С. 219). Присутствие этой темы в рассказах Хэ Фана о разных исследователях показывает, как непросто было найти идеологически взвешенное обоснование для отказа от тезиса о неизбежности войн при империализме.

Хэ Фан хвалит вклад Ли Имана в методологию международных исследований, отмечая его выступления против волюнтаризма и метафизического подхода, призывы к опоре на объективную реальность. В качестве примера Хэ Фан приводит отзыв Ли Имана на его доклад о международной обстановке, который был написан в июле 1983 г. В этом отзыве весьма здравым и отвечающим тенденциям сегодняшнего дня выглядит замечание о том, что если США считают Китай региональной державой, это вовсе не значит, что вчера значение страны было глобальным и оно стало меньше в одночасье. Китайцам нужно оценить этот вопрос самим, а не идти вслед за американцами, меняя политику — глобальное значение Китая существует и со временем оно проявится.

Особый интерес привлекает суждение Ли Имана по поводу отношений СССР и КНР.

«В чем состоит фундаментальная проблема, из-за которой невозможно улучшение китайско-советских отношений? Она существует объективно, она не в том, что говорят люди. Советские люди боятся Китая, они не будут с ним в хороших отношениях, разве только Китай не станет проводить «четыре модернизации». Если Китай ухватится за правильное направление экономического развития «четырех модернизаций», будет старательно продвигаться вперед, то советские люди не будут улучшать отношения с Китаем, это касается великого страха советских людей — сильного Китая. Многие товарищи, занимающиеся проблемами СССР, не желают вести анализ, исходя из этого стратегического аспекта, они исследуют личность генерального секретаря, каков Андропов — это абсолютно немарксистский метод» (С. 185).

Призывы к объективности в данном случае оказываются крайне уязвимыми, поскольку СССР в тот период неоднократно обращался к КНР с предложениями о нормализации отношений. На фоне перечисленных в книге взвешенных и разумных предложений Ли Имана по исправлению перегибов во внешней политике Пекина тезис эксперта о принципиальной неготовности СССР к хорошим отношениям с сильным Китаем выглядит как пережиток эпохи конфронтации. Вместе с тем на него следует обратить внимание, поскольку и в наши дни в работах китайских политологов звучат утверждения о том, что СССР стремился к «неравноправным» отношениям с Китаем.

Отмечая прогресс в изучении международных отношений в КНР, Хэ Фан честно указывает на проблемы. В частности, он рассказал о том, как в начале реформ Хуань Сян хотел создать в Китае влиятельный журнал по образцу американского *Foreign Affairs*, где проходило бы открытое обсуждение не только ситуации в мире, но и внешней политики КНР. Он был готов сразу же приступить к изданию китайской и английской версий, нашел деньги, договорился о печати и распространении. А вот найти главного редактора и собрать коллектив так и не удалось. В ответ на приглашение возглавить журнал Хэ Фан вылил ушат «холодной воды» — свой отказ он мотивировал тем, что в стране нет условий для свободных дискуссий, к тому же внешняя политика является чувствительной сферой, и публикация не соответствующих официальной линии материалов может привести к серьезным последствиям (С. 216).

Хэ Фан руководствовался собственным опытом, в середине 1950-х гг. ему довелось быть редактором ведомственного

журнала «Вайши яньцзю» (Внешнеполитические исследования). Чжан Вэньтянь создал это издание, чтобы обсуждать тенденции в международной политике и дипломатические проблемы, поощрять выражение различных мнений, активизировать исследовательскую деятельность. Это было позитивное начинание, но в свет вышло лишь 3–4 номера. Печатать обычные доклады было неинтересно, а найти новаторские статьи оказалось очень трудно: «Поскольку в нашей системе люди в основном привыкли действовать в соответствии с политикой партии и указаниями руководства, при написании статьи лишь очень немногие осмелятся выразить важное иное мнение» (С. 133).

Сходная ситуация сохранилась и после завершения «культурной революции». Хэ Фан подчеркнул, что общая атмосфера не позволяла Хуань Сяну по-настоящему оживить исследование международных проблем, при этом международные и внутренние проблемы было трудно отделить друг от друга. Хуань Сян принял участие в создании шанхайского «Шицзе цзинци даобао» (Вестник мировой экономики), в преддверии событий 1989 г. это издание снискало репутацию рупора либеральных идей

в политике и экономике. В итоге прозвучала критика сверху, «Вестник» закрыли, главный редактор и еще несколько человек были строго наказаны. Хэ Фан заметил, что если бы Хуань Сян к тому времени еще был жив, то «может и его бы притянули» (С. 216).

Наличие повторяющихся сюжетов и разрозненность изложения в публикации Хэ Фана скомпенсированы живостью языка, новизной материала, честностью оценок автора, увлекательными воспоминаниями о повседневной жизни, увлечениях и настроениях людей. Это многоплановая книга. Она касается не только важных страниц истории КПК до момента образования КНР, но также становления внешней политики Пекина в 1950-е гг. и советско-китайских отношений в то время, обновления внешнеполитических концепций в начальный период реформ.

-
1. 2010 нянь вого лилунь сюэшу синьцзянь яолань [Обзор новых взглядов в теории и науке в Китае в 2010 году] // Бэйцзин жибао. 2010. 1 дек.